

Куранты - 1993 - 25 мая - 47

“ВСЮ ЖИЗНЬ ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ” — так называется новая книга Николая Николаевича Озерова, великого теннисиста, известного актера, популярнейшего спортивного комментатора и, как оказалось, интересного мемуариста. Отрывки из нее мы сегодня публикуем. Автор посвятил свой труд родному обществу “Спартак”, председателем которого он продолжает оставаться, одноклубникам и всем, кто отдал этому спортивному обществу, отпраздновавшему недавно 60-летие, свое сердце.

■ Когда меня спрашивают про “Спартак”, то я отвечаю, что мой “Спартак” — это “Спартак” Николая Старостина.

В те давние годы он руководил в Москве обществом “Спартак”. При Николае Петровиче все секции были сильны, особенно теннисная, где тренировались лучшие игроки. К ним примкнул и я. Николай Петрович какое-то время приглядывался ко мне, а однажды неожиданно сказал:

— Ну-ка зайди ко мне. Водку пьешь?

— В рот не беру, — ответил я, что соответствовало действительности.

— Отец пьет?

Отец мой, солист Большого театра, исполнявший все партии драматического тенора, сами понимаете, пить — в “дремучем” смысле этого слова — не мог. Я сказал правду:

— Иногда, после спектакля, рюмочку себе позволяет.

— На, отнеси отцу!

Николай Петрович достал из шкафа бутылку водки и протянул ее мне. Щедрость этого дара не поддается измерению. Бутылка водки в годы войны... За нее готовы были отдать полцарства. Правда, царства по карточкам не выдавались.

■ Все мы очень любили гроссмейстера Михаила Талья. Остроумный, жизнерадостный был человек, талантливый. Шахматные партии его, полные огня, риска, находчивости, всегда волновали и доставляли истинное удовольствие поклонникам этой замечательной игры. Необычайно добрый был человек.

Вот какой с ним произошел забавный случай.

На острове Мальорка проходил международный шахматный турнир, закончившийся победой Талья. В честь победителя была устроена шикарная, помпезная коррида.

Цирк, масса зрителей. Когда бой быков подходил к концу, кто-то из устроителей этой корриды неожиданно сказал: “Может быть, кто-нибудь из гроссмейстеров хочет принять участие в... бое быков?”. И тогда наш Таль, который любил острые ощущения, не раздумывая ни секунды, сказал: “Я!”.

Такого спортивный мир еще не знал. Маленький Таль на арене громадного цирка с мулетами в руках. Против него выпустили ма-а-ленького бычка. Вы сами понимаете, что большого и не надо было, достаточно маленького.

...И вот на арене бык и Таль. Таль и бык. Бык приближается к Талю. Все ближе, ближе... Подошел к Талю, понюхал и... ушел обратно.

Журналисты, падкие на сенсации, бросились к Талю: “Гроссмейстер, как вы прокомментируете этот финал?” А Таль сказал: “А что, умный бык. Знает, с кем дело имеет”.

■ У каждого репортера обычно есть репортаж, который запомнился ему на всю жизнь. Для меня это был репортаж о победном футболь-

ном матче нашей сборной на Кубок Европы в 1960 году.

Париж. Поздний вечер. Сборная СССР встречается с командой Югославии.

Мы, комментаторы, являемся на матч за час до начала. Тогда во Франции мне помогал корреспондент Всесоюзного радио, ныне политический обозреватель Анатолий Потапов. Пришли, сели в кабину — связи с Москвой нет. Обычно в это время идет проверка канала, бесхитростный разговор: “Москва, здравствуйте, что новенького? Даем составы команд”. А здесь — связи нет.

Начинается матч, связи нет. Решил начать трансляцию в надежде, что Москва со временем подключится. Проговорил сорок пять минут, настроение убийственное, проигрываем 0:1, связи нет. Никто не может сказать,

шного театра. В отрывках я сыграл Швандю, Яшку-артиллерию, а также скетч Ардова.

В антракте вдруг началась паника: у консерваторцев неожиданно заболел исполнитель партии Сильвио. Что делать — срывается спектакль! Подступили ко мне:

— Выручай! Ты сын певца и должен знать “Паясы”!

— Допустим, знаю, но ведь у меня тенор, а Сильвио — баритон!

— Ничего, оставим лишь самое необходимое для развития сюжета — твоих вокальных данных для этого хватит. Выручай!

И что вы думаете — спел! Пел как в тумане, но спектакль состоялся. Правда, мой отец потом сказал:

— Много я в жизни халтур вывел, но такой — никогда!

Николай ОЗЕРОВ

РЕПОРТАЖ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

идет передача

или я для себя

все рассказываю. Однако делать нечего, начинаю вести второй тайм. Наши

с к в и т а л и

с к е т... Допол-

нительное

время. Пере-

рыв. Не пере-

стаю гово-

рить, потому

что о допол-

нительном

времени раз-

говора не бы-

ло, передача

(если она, ко-

нечно, есть)

может пре-

рваться, на-

чинается тре-

тий тайм. Ре-

бят забивают

второй гол —

Кубок Евро-

пы наш! Нет-

то получает

кубок, круг

почета, я бегу

в раздевалку.

Все обнимаются, увидели

меня: “Как Москва, что

слышно?”. Я им: “Москва

поздравляет, Москва лику-

ет”. А сам чуть не плачу: мож-

ет, два с лишним часа

волокотую проговорил. И лишь

в четыре часа утра мне сооб-

щили, что работала только

одна линия связи, все слы-

шали, предупредить не мо-

гли, но очень надеялись, что

я не растеряюсь, и все про-

шло хорошо. Ликовала вся

страна. Это был самый круп-

ный успех нашего футбола, и

я считаю этот репортаж од-

ним из самых удачных, хотя

все было так, как я рассказ-

ывал.

■ Любовь к музыке и пе-

нию осталась со мной навег-

да. Однако согласитесь, что

тенору без верхнего регистра

в консерватории делать нече-

го. И все же в моей биогра-

фии есть знаменательное

событие — я пел в опере “Па-

я-

цы”.

Однажды в клубе “Каучук”

шел концерт, в первом отде-

лении которого выступали

студенты ГИТИСа, а во вто-

ром — консерваторская опер-

ная студия и артисты Боль-

■ Николай Николаевич с любимой Алисой.

■ Накануне он принес 100 рублей и отдал свой долг, хотя в этом необходимости не было. Так, на всякий случай. Ведь он летит в Челябинск на очередной матч по хоккею. Это был мой лучший друг и партнер Зденек Зигмунд. Другой прекрасный хоккеист и теннисист, Иван Новиков, дома показал родным, где у него что лежит, все, до последних мелочей — на всякий случай. Рано утром 7 января 1950 года они вылетели... и не долетели. Погибли 19 человек. Погибла хоккейная команда ВВС. Погода была плохая, ждать не хотелось. Летчик был великолепный — из правительственного отряда, но и он ничего не смог сделать. “Дуглас СИ-47” шесть раз заходил на посадку в аэропорту “Кольцово” близ Свердловска и рухнул на краю летного поля.

Погибли члены экипажа и 11 хоккеистов. Два моих друга — Зденек Зигмунд и Иван Новиков. Зигмунд — многократный чемпион страны по теннису в парном соревновании, Новиков — пятая ракетка, именно в этот год он добился

в теннисе наибольшего успеха. Про хоккей я не говорю: вместе с родным братом Анатолием Тарасовым Юрием (это была тройка сборной, великолепное трио мастеров высокого международного класса), погиб капитан и новый тренер команды ВВС, защитник Борис Бочарников, вратарь Хари Меллупс — разносторонний спортсмен, лучший вратарь нашего хоккея, он великолепно играл в футбол за команду ВВС и был боксером. Ушли из жизни отличный защитник, тоже рижанин, как и Меллупс, Роберт Шульманис, вратарь Николай Исаев (в футболе — нападающий), Александр Моисеев, Юрий Жигуртович, Василий Володин и Евгений Воронин. Какие это были ребята! Судьба смилостивилась над Всеволодом Бобровым и Виктором Шуваловым. Первый не пришел в самолет, говорили,

то и делал, благо своя рука — владыка! Ну а он любил спорт, хоккей и... наслаждался жизнью.

■ Среди динамовцев у меня всегда было много друзей.

Когда приезжали Сталин или Молотов, художественный театр был оцеплен уже с пяти часов вечера. Причем в охране были в основном известные спортсмены. Это, естественно, поднимало мои акции, и я проходил без проверки. От Сталина в пяти метрах играл, а Молотова даже возил на автомобиле. Но это уже когда он погорел на “антипартийной группе”. ...Едем из гостей. Я за рулем. Он заикается, поворачивается к жене и говорит: “Сейчас приеду домой, скажу внуку, что меня вез сам Озеров”. А я в ответ: “Вячеслав Михайлович, сейчас приеду домой, тоже скажу, что вез

ко не больно-то меня слушали. Например, прежде у нас существовала специальная комиссия, которая решала, может ли тот или иной человек выступать в эфире, все ли у него в порядке с дикцией, грамотно ли он произносит слова. Теперь на экране может предстать человек с любым речевым дефектом. К сожалению, утрачивается понятие комментаторского искусства, актерского обаяния. Вы обратите внимание — большинство наших репортажей носит критический уклон. Мы критикуем всех и вся, направо и налево: учим, как играть в футбол и хоккей, боксировать, бегать и стрелять... Но ведь для этого есть тренеры. Задача комментатора, как я ее всегда понимал и как ее трактуют зарубежные коллеги, весьма поднаревшие в своем деле, — создать атмос-

что он загулял, и были счастливы за своего кумира. Были и другие, более серьезные предположения — не успел оформить все свои документы. Это тоже великое счастье, судьба! Что касается Шувалова, Василий Сталин решил, что “похищенному” из Челябинска лучше всего центральному нападающему сразу же играть за команду ВВС неудобно. Пусть подождет, игру пропустит. О том, что погибли лучшие хоккеисты, — никому ни слова. Секрет, военная тайна. Срочно в Челябинск отправили другую команду во главе с Бобровым и Шуваловым.

Команда Военно-Воздушных Сил, главным образом усилиями Всеволода Боброва, на этот раз стала четвертой. А потом начались годы расцвета, годы триумфа. 1951-й, 1952-й, 1953-й годы команда ВВС — чемпион Советского Союза. Регулярно оставляет на втором месте армейцев, которых тренирует Анатолий Тарасов. Летчики и их играющий тренер Всеволод Бобров демонстрировали игру невиданного класса. Скорость, индивидуальное мастерство, вместе с тем коллективные действия, на редкость красивые комбинации вызывали восторг зрителей. И слава об игре тройки Бабич — Шувалов — Бобров гремела далеко за пределами нашей Родины.

Это был интересный период в жизни нашего спорта. Непутевое чадо, сын великого “отца народов”, любил спорт. Ну нравилось ему, что у него лучшая команда по хоккею, водному поло, баскетболу, волейболу, конному спорту. Вася Сталин брал к себе в ВВС кого угодно и в любое время. Начальство боялось, естественно, и все ему разрешалось. А знаете, как расшаривалось ВВС в то время? — “Взяли весь “Спартак”, “Взяли всех спортсменов”, “Ватага Василия Сталина”. Да, ВВС — это Василий Сталин, это он. Он звал к себе ведущих спортсменов страны, много им обещал. И свое слово, как правило, умел держать. Пил только очень много и заставлял пить спортсменов. Генерал-лейтенант Василий Сталин был командующим ВВС Московского военного округа, что хотел,

самого Молотова”. Да, второй человек в государстве был.

С Кагановичем в театре встретились. Стоит Майя Каганович — его дочь, была моей поклонницей по теннису, часто приходила на матчи. Знакомит: “Это мой папа”. Папа спрашивает меня: “Как Ваш отец, как поживает?” Так и разговариваем. Потом начинается спектакль, и тут до меня доходит. Господи, папа-то — Лазарь. Метро тогда было имени Кагановича. На каждом углу портреты.

...Он был в хорошем настроении и, взяв микрофон, сказал: “Ну а теперь, друзья, за дело. Наша главная задача сейчас — строить дома!”. Это говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. — “И катки! — твердо сказал чей-то голос. — Нам надо строить катки!”.

Это было на приеме в Кремле в честь победы советских спортсменов на зимних Олимпийских играх. Возникла пауза... “Молодой человек, — с некоторым раздражением сказал Никита Сергеевич, — все-таки надо строить дома”. Молодым человеком был олимпийский чемпион по фигурному катанию, герой Инсбрука Олег Протопопов. “Нет, катки! Вы думаете, легко готовиться к Олимпийским играм в чужом городе в течение года, да еще на катке уменьшенных размеров? Наша огромная страна имеет один малосенький каток, да и то открытый. А соревноваться приходится со спортсменами, у которых в одном только городе 100 крытых катков. Вот и попробуйте их обыграть!”.

Хрущеву напор Протопопова, видимо, понравился. Он опять подошел к микрофону: “А ведь, пожалуй, Протопопов прав. Спортсменов обижать нельзя. Они делают большое, нужное дело. Им надо помогать. Ну, естественно, это должно быть в разумных пределах. Ты уж, Микоян, проследи! Но дома все-таки строить надо, люди должны жить лучше”.

Начальство, довольное, что инцидент закончился благополучно, увлекло Хрущева в зал, где были танцы. А бедный олимпийский чемпион доел праздничный бутерброд, который в полемике так и не успел съесть.

■ Сейчас, когда я оказался по вашу сторону голубого экрана, чего не хватает, как мне кажется, в наших спортивных передачах?

Прежде всего, культуры. Конечно, кое-кто скажет: ну, вот, ушел на пенсию и заворачивал. А где же ты был раньше? Я и раньше не молчал. Толь-

феру праздника вокруг спортивного соревнования, потому что все эти так называемые критические репортажи только отпугивают зрителей от стадионов. Ну зачем я, допустим, пойду смотреть на Озерова, если у него не получается удар слева? Пускай сначала поучится, а потом я уж буду платить деньги за то, чтобы на него смотреть на стадионе, — думает иной потенциальный посетитель соревнований. И он прав! Или вот еще одна появившаяся в последнее время тенденция — считать чужие деньги. К чему это? Ведь всегда считалось неприличным заглядывать в чужой кошелек. Ну как тут не вспомнить еще раз об уровне нашей культуры.

■ Это было в Ницце. Руководители футбольного клуба этого города пригласили руководство команды “Торпедо” без футболистов, показать им ночную Ниццу. Просили только уложить игроков пораньше спать, а самим быть готовыми к определенному времени.

И вот этот час наступил. Руководство “Торпедо” тихо, на цыпочках, чтобы не заметили футболисты, как жулики, спустились вниз. А внизу, в цилиндрах и смокингах, их ждали руководители клуба “Ницца” на шести автомобилях. Президент клуба обратился с просьбой к нашему руководителю: “Пожалуйста, не говорите об этом нашим женам”. На что наш руководитель сделал ответный пас: “А у нас к вам ответная просьба — не сообщайте об этом нашим женам”. Посмеялись, сели в автомобили и поехали.

... Варьете в полумраке, большой зал, столики. Один — центральный, главный, соединяющийся со сценой. Не хватает только флажков стран. Здесь нас и посадили. Тихо спрашиваю Маслова: “Вить, а если она сядет к тебе на колени?” — “Кто?” — “Она, героиня вечера...”

Говорили, что президент клуба “Ницца” дружен с хозяином варьете, поэтому нас не шокировали и никто никаких провокаций против нас не предпринимал. Был стриптиз на сцене, много всяких концертных номеров. Все это было в полуобнаженном или обнаженном виде.

...Когда мы расставались, руководитель нашей делегации даже произнес речь: “Дорогие друзья! Разрешите мне от имени советской делегации поблагодарить вас за огромное удовольствие. Быть во Франции и не посмотреть этих мест было бы упущением в нашей программе!”